Прочность китайской “мягкой силы”

© 2009

В. Ганшин

После успешного проведения Олимпийских Игр КНР, похоже, находится в процессе новой самоидентификации. С нарастанием кризисных явлений в мире, усилением международных позиций Китая ее вряд ли устроит прежний статус и вес в мировых делах. Вместе с тем Пекин твердо стоит на том, что никогда не станет “сверхдержавой”, что его возвышение и укрепление мощи не представляет угрозы другим членам мирового сообщества. Свои новые высоты Китай намерен завоевывать исключительно мирным путем, при помощи т.н. “мягкой силы”. Для этого он готов и впредь искать взаимопонимания с другими странами и народами, в том числе с помощью активизации культурных обменов, пропаганды привлекательности своей модели социально-экономического развития и убеждения в своей ответственности.

Ключевые слова: “жесткая сила”, “мягкая сила”, “искусная сила”, “Пекинский консенсус”, “китайская угроза” и “китайская ответственность”.

Один из пионеров изучения темы “мягкой” и “жесткой” силы, выпускник Гарварда Джозеф Най как-то привел парадоксальное и эпатазирующее, как многим показалось в то время (2005 г.), высказывание видного американского ученого с достаточно скандальной репутацией Роберта Кейгана, что американцы происходят с Марса, а европейцы — с Венеры¹. В том смысле, что по разную сторону Атлантики действуют различные приоритеты в решении внешнеполитических задач: в Старом Свете предпочитают искать дипломатические компромиссы, тогда как Вашингтон в основном в своей стратегии опирается на грубую военную и экономическую мощь.

Провокационность подобного заявления, по мнению Дж. Найа, чересчур упрощала различия между американским и европейским отношением к миру и безопасности, и это было очевидно. В конце концов, напоминает ученый, европейцы присоединились к военной операции в Косово в 1999 г. (кстати, Франция и Германия имели тогда в крае вдвое больше войск, чем Соединенные Штаты; европейцы и сегодня составляют значительную часть международных сил безопасности в Афганистане), да и война в Ираке показала, что среди европейцев есть немало “выходцев с Марса”, а среди американцев — “с Венеры”.

Между тем тезис, предложенный Р. Кейганом, вызвал серьезные дискуссии в научном сообществе, которые продолжаются по сей день. Особую остроту и пикантность обсуждаемой проблеме добавил глобальный финансовый кризис. Все более становится очевидным: осуществлять свои национальные интересы надо не в одиночку, насильно заставляя других “любить” и уважать себя, а путем компромиссов и договоренностей находить точки соприкосновения в духе взаимного уважения и взаимопонимания. Ведь что такое по своей сути “мягкая сила”? Это способность добиваться желаемого результата при помощи убеждения, привлекательности собственного имиджа, а не силы или денег.

После окончания Второй мировой войны, когда Европа и Япония лежали в руинах, Соединенные Штаты для большинства людей к западу от контрольно-пропускного пункта на Фридрихштрассе казались раем, “Землей обетованной”. Европейская молодежь слушала американскую музыку, смотрела американские фильмы, стремилась купить одежду а-ля Америка. Молодые европейцы, писал голландский историк Р. Кройс, “вырастали в мире, где американские символы играли важную роль”. “Поколение за поколением молодежь, которая росла в разных европейских странах... всегда имела культурную альтернативу... Такие простые вещи, как джинсы, “Кока-кола” или сигареты, приобретали дополнительную ценность, которая помогала молодежи выражать свою собственную идентичность”².

С началом хрущевской “оттепели” и в Советском Союзе ценности “потребительской революции” прочно прижились в среде довольно значительной части молодежи, творческой и научной интеллигенции. (Ностальгические воспоминания о днях своей юности можно услышать из уст восторженных зрителей фильма В. Тодоровского “Стиляги”). Конечно, “быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей”. Но ростки той “оттепели” через два десятка лет проросли таким чертополохом, который может задушить еще не одно поколение россиян.

Почему Запад оказался столь падок на американское влияние? Как уже говорилось, военные успехи американцев (не в смысле выигранных крупных сражений и грандиозных битв, а их экономическое и финансовое усиление), плоды нового передела мира в результате подписания Атлантической хартии создавали образ могущественной и надежной державы. Норвежский исследователь Г. Лундстад, описывая причины привлекательности образа Америки в Европе в те годы, писал: “...федерализм, демократия и открытые рынки представляли собой основные американские ценности. Это то, что Америка экспортировала”. И благодаря “плану Маршалла” европейцы с готовностью приняли то, что им было предложено. Но возникшая в результате “мягкая сила” во многом зависела от близости культур и ценностей Соединенных Штатов и Европы”³.

Добившись своих целей в Европе, американцы постепенно стали утрачивать способность, да и желание действовать с помощью “мягкой силы”. Все чаще их поступки становились отражением откровенно агрессивных намерений правящих администраций, все меньше Вашингтон стал считаться со своими европейскими союзниками. Апофеозом такой стратегии стала война в Ираке. И хотя формально большинство правительств Старого Света вынуждено было поддерживать эту американскую авантюру, раскол стал очевиден. Германия, Испания, Франция, Греция, другие страны ответили на военные действия в Ираке мощными антиправительственными демонстрациями и другими протестными акциями. Возможно, именно тогда и произошло коренное деление на приверженцев “жесткой и мягкой силы”. Европа продолжает наращивать свои усилия по использова-

нию дипломатических, институциональных действий для распространения своего влияния в мире, тогда как США продолжают следовать жесткой линии в решении своих внешнеполитических задач. Известных перемен специалисты ожидают с переездом в Белый дом Б. Обамы, однако, прошло еще слишком мало времени со дня его инаугурации, чтобы серьезно обсуждать приоритеты нового президента США.

С начала нового тысячелетия вместо бывшего Советского Союза в число ведущих мировых держав выдвинулся Китай. В этой связи, думается, представления Китая о соотношении “мягкой” и “жесткой” силы, о приоритетах в данном вопросе имеют несомненный интерес. Не случайно эта тема активно обсуждается и в китайской прессе, и в зарубежных изданиях.

Говоря о проблеме использования Китаем потенциальных возможностей “мягкой силы”, как считают эксперты, можно выделить три основных компонента: культурный диалог, лидерство в развивающемся мире и противодействие имеющему хождение лозунгу о “китайской угрозе”.

Распространение культуры и поиск понимания

Соединение конфуцианских социальных и политических ценностей, народных традиций и обычаев, искусства, китайского языка понимается китайскими политологами как важнейшая составляющая “мягкой силы” Китая⁴. Стремление ближе познакомиться с китайской культурой, узнать историю одной из древнейших мировых цивилизаций закладывает основы уважения и признания, которые со временем будут содействовать формированию необходимого для Китая благоприятного международного окружения. Как считают некоторые китайские ученые, “способность государства распространять свою культуру за рубежом приведет к пониманию, благорасположению и восприятию его культурных ценностей другой стороной”⁵.

Каким же образом Китай предполагает добиваться содействия решению своих стратегических целей с помощью распространения своих культурных ценностей? Во-первых, это тот потенциал, который многие эксперты называют естественным преимуществом “культурной привлекательности” как в среде китайской диаспоры, так и в других “конфуцианских” государствах, включая Японию, Южную Корею, Сингапур и Вьетнам. Зарубежные китайцы всегда играли особую роль для КНР не только как источник инвестирования капитала, но и в качестве своего рода “ретранслятора” среди местного населения таких конфуцианских добродетелей, как трудолюбие и крепость семьи. Учитывая многочисленность и влияние хуацяо, вполне вероятно, что Китай способен стать лидером объединенного Восточно-Азиатского политического сообщества, основанного на конфуцианских ценностях и опыте.

Однако вероятность скорой реализации этой идеи другими специалистами подвергается серьезной критике по ряду причин. Начать с того, что интересы государств определяются не просто приверженностью “конфуцианству”, но также географическим положением, равнодействующими факторами безопасности, соперничеством за доступ к ограниченным ресурсам, прошлыми конфликтами и множеством других обстоятельств, которые делают культурный регионализм туманной перспективой. По ряду позиций китайское культурное влияние в этом регионе бледнеет по сравнению с влиянием США и других государств. Например, экспорт китайских фильмов ничтожен по сравнению с экспортом фильмов американских, которые, как считается, распространяют западные ценности типа ин-

дивидуализма и демократического плюрализма. Если вести речь о самовывдвижении Китая в качестве конфуцианского общества, то Китай и здесь весьма уязвим, поскольку за последние тридцать лет его внутренняя жизнь характеризовалась динамичным проникновением западных ценностей и обычаев.

Китайская цивилизационно-культурная модель остается все-таки еще довольно экзотичной для восприятия зарубежной аудиторией, в особенности европейской. Поэтому в Пекине уверены в необходимости активизации “культурной дипломатии”. Это направление включает усилия, нацеленные на возвышение авторитета и создание привлекательности культурного образа Китая как в пределах региона, так и вне его. Предполагается расширение культурных и научных обменов, организация художественных выставок, “годов культуры”, укрепление связей между породненными городами и т.д.

Подобные мероприятия, при всей их нужности и целесообразности имеют, тем не менее, очевидные недостатки. Во-первых, они, как правило, носят временный характер и довольно поверхностны. Интерес к той или иной культуре — это лишь первый шаг в распространении своих традиционных ценностей, их интернационализация есть процесс гораздо более трудоемкий и сложный. Во-вторых, большинство людей в мире, естественно, более привычно к своей собственной культуре и только в незначительной степени знакомо с китайским наследием. Так, например, влияние христианской и исламской цивилизаций так глубоко укоренилось в Африке, что добиться существенного продвижения там конфуцианства представляется весьма затруднительным делом. Проще говоря, сомнительно, чтобы указанные меры при всей их амбициозности смогли изменить базовые представления людей о Китае.

Для достижения позитивного результата требуется более активная помощь иностранных участников. Главным звеном в этом направлении является образование. Изучение китайского языка, истории и культуры рассматривается сегодня китайским руководством не только как способ воспитания уважения к Китаю, но и как средство культивирования “массива иностранного интеллекта”, более подготовленного для установления личных связей с китайскими партнерами и КНР в целом. Примером в этом смысле может служить “программа Фулбрайта”, с помощью которой американцы в годы холодной войны значительно преуспели в формировании массовой поддержки со стороны иностранных элит⁶. И хотя вряд ли правомерно искать прямую связь между образованием и позицией элит (достаточно вспомнить, какие усилия прилагал в этом направлении Советский Союз, принимая у себя студентов, аспирантов из-за рубежа, и чем все это закончилось), отказываться от такого варианта “культурной экспансии” также не стоит. Многие из обучающихся сегодня в КНР африканских студентов, например, вполне вероятно, вскоре займут высокие государственные посты или станут элитой во всех областях в своих странах. Заложенные за годы учебы теплые впечатления от страны пребывания, личные контакты на разных уровнях будут способствовать росту влияния Китая в Африке, уверены в Пекине.

Существуют две формы образования как средства развития “мягкой силы”. Первая — это студенты, обучающиеся в самой КНР. Так, в 2006 г. в стране учились свыше 140 тыс. иностранных студентов. В 2008 г. число приехавших учиться в Китай иностранцев впервые превысило 200 тыс., в первую тройку входят студенты из Южной Кореи, США и Японии⁷. Вероятно, в силу простого интереса к культуре соседей около 75% иностранных студентов в Китае — выходцы из Восточной Азии. (Для сравнения: в США иностранцев обучалось 560 тыс. Од-

нако из-за экономических причин, трудностей с получением американских въездных виз после 11 сентября их количество несколько уменьшилось).

Власти КНР предпринимают активные шаги для того, чтобы повысить уровень и качество подготовки обучающихся в Китае иностранных студентов. Министерство образования КНР намерено принять ряд мер, нацеленных на то, чтобы китайские университеты принимали иностранных студентов “более высокого уровня”⁸. Конечно, речь в данном случае идет не об их социальном статусе. Однако можно не сомневаться, что уровень владения китайским языком у новых студентов будет тем выше, чем более престижные начальные школы и колледжи они закончили у себя на родине. То есть, чем богаче и “статуснее” их родители, которые могут в последующем обеспечить своим чадам высокие посты в государственных структурах и деловых сообществах.

Другой “манок” для студентов из развивающихся стран — государственные стипендии, которые готово им обеспечить китайское правительство. Так, по сообщению главы Отдела международного сотрудничества и обменов Министерства образования КНР Чжан Сюцин, в 2010 г. “20 тысяч иностранцев будут охвачены государственными стипендиями КНР”. На эти цели власти предполагают выделить более 500 млн юаней (около 73,5 млн долл.)⁹.

Не менее перспективным представляется проект учреждения по всему миру “конфуцианских институтов”, являющихся центрами изучения китайского языка и культуры, размещенными при университетах. При этом цель ставится достаточно масштабная — к 2010 г. иметь 500 действующих институтов такого рода. В более широком плане руководство Китая рассчитывает, что к 2010 г. китайский язык будут изучать, по меньшей мере, 100 миллионов студентов по всему миру¹⁰.

Ведь язык всегда служил проводником “культурной экспансии”. Он помогал народам общаться без посредников, лучше понимать друг друга. Конечно, китайский язык — не самый простой для изучения. Однако факты говорят о том, что вполне реально в самом ближайшем будущем ожидать бума в распространении китайского языка.

На завершившейся в середине марта 2009 г. сессии ВСНП заведующий Государственной канцелярии по международному распространению китайского языка Сюй Линь привел такие цифры: в настоящее время количество иностранных студентов, изучающих китайский язык во всем мире, превышает 40 млн чел., и их численность увеличивается ежегодно на 50%¹¹. Эти люди полагают, что их будущее связано с Китаем, поэтому необходимо повышать уровень владения китайским языком, чтобы приобрести больше шансов при устройстве на работу. Субъективные оценки студентов подтверждают ученые. Интерес к китайскому языку вызван не только стремлением больше узнать о жизни Поднебесной, культуре и традициях ее народа, но имеет и вполне практический резон: в условиях глобального финансового кризиса люди оптимистично смотрят на перспективы Китая.

Столь же активно в Китае изучают и языки своих партнеров и/или конкурентов. Известно повальное увлечение местной молодежи английским языком. В меньшей степени, но весьма интенсивно пропагандируется и знание русского языка. Страны взаимно проводят “Года языка”, выпускают совместные газеты и журналы, в Пекине недавно заработал специальный телеканал на русском языке. Такой своеобразный “русский акцент” — также важный элемент использования “мягкой силы”.

Модель развития и лидерство в “третьем мире”

С 1950-х гг. главной целью внешней политики Китая было занять лидирующее положение в развивающемся мире. Однако в отличие от периода “холодной войны”, когда важнейшим аспектом деятельности на международном фронте считалось наращивание антиколониальной борьбы в Африке и Юго-Восточной Азии и объединение дипломатических усилий против “американских империалистов” и советских “социал-ревизионистов”, задачи в эпоху реформ ставятся несколько иные. Пекин озабочен в первую очередь наращиванием “дипломатического капитала”, который может быть использован, например, при голосовании в ООН по интересующим КНР вопросам и проблемам обеспечения доступа к ограниченным природным ресурсам. Вместе с тем, публично Китай выстраивает свою дипломатическую стратегию в “третьем мире” в понятиях альтруизма, особо подчеркивая невмешательство во внутренние дела суверенных государств¹². Не случайно идея “гармоничного мира”, основанного на взаимном уважении и признании государственного суверенитета, прозвучала из уст председателя КНР Ху Цзиньтао именно в связи с 50-летием Бандунгской конференции.

Каким образом Китай намеревается стать примером привлекательности для развивающихся стран?

Прежде всего, это реклама китайской модели развития. Она включает в себя: а) “скоординированное, комплексное и научно обоснованное развитие”, не требующее больших общественных и экологических затрат; б) “стабильность”, понимаемая в широком смысле как устойчивость власти, институтов и общества в целом; в) “гармония”, означающая стремление свести к минимуму ущерб в отношениях между людьми, обществом и окружающей средой, а также между государствами. В этом смысле употребляемое в обиходе выражение “гармоничное общество” естественным образом перетекает в понятие, относящееся к международной категории, — построение “гармоничного мира”¹³.

Особое внимание обращается на понятие “Пекинский консенсус” — термин, изобретенный бывшим редактором журнала “Тайм” Джошуа Купером Рамо¹⁴. Выражение символизирует исключительную привлекательность китайского опыта, “изучать который спешат специальные команды экономистов из таких разных стран, как Таиланд, Бразилия и Вьетнам”¹⁵.

В отличие от либеральных предписаний относительно возвышения государств на основе демократизации и активного участия международного финансового сообщества (известных как “Вашингтонский консенсус”), “Пекинский консенсус” делает упор на политическую стабильность и свободный выбор странами самостоятельного пути развития, основанного на экспериментировании и особенностях конкретных условий.

Напомним, принципы “Вашингтонского консенсуса” были сформулированы в 1990 г. — это приватизация, жесткая монетарная политика, отказ от бюджетного дефицита, либерализация торговли, открытость для иностранных инвестиций. Подход этот стал стандартным “правильным” рецептом для решения проблем развивающихся стран и лег в основу реформ в Латинской Америке и Восточной Европе. Затем выражение “Вашингтонский консенсус” приобрело политический оттенок — для одних как символ победы в “холодной войне”, для других — как навязываемая Соединенными Штатами политика “минималистского государства” и монетаризма.

Но рыночные преобразования не решили социальных проблем Латинской Америки; итоги реформ в России все чаще объявляются провальными; бывший главный экономист Всемирного Банка лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц объявил, что именно политикой “Вашингтонского консенсуса” был порожден и азиатский финансовый кризис.

В мае 2004 г. Лондонским центром международной политики был опубликован доклад под названием “Пекинский консенсус”, где речь идет уже не только об эффективности “китайской модели”. По мнению авторов, “Вашингтонский консенсус” “исходит из желания сделать счастливыми банкиров”, а “Пекинский консенсус” — добиться справедливого роста в интересах простых людей. Его цель — рост при сохранении независимости; отличительные черты — “решительное стремление к инновациям и экспериментам” (специальные экономические зоны), “защита государственных границ и интересов”, “накопление инструментов асимметричной силы” (в виде сотен миллиардов долларов валютных резервов).

Вследствие провала реализации “Вашингтонского консенсуса” в латиноамериканских и других развивающихся странах эти государства все больше обращаются к китайской модели экономического роста и политической стабильности. То же можно сказать и о Черном континенте: многие африканские лидеры заинтересовались, каким образом Китай обеспечил быстрый рост, сохраняя при этом политический контроль, и стали часто приезжать в Китай за консультациями¹⁶.

Несмотря на всю привлекательность новой концепции, существует значительная доля пессимизма относительно того, будет ли Китай в состоянии сыграть намеченную им же самим роль. Дело в том, что некоторые развивающиеся государства не имеют ни необходимых условий, ни стремления копировать китайскую модель развития и таким образом “предполагаемый ход событий был бы затруднителен для создания действенного компонента китайской “мягкой силы”. Кроме того, внутри самого Китая существует немало недостатков в процессе реформирования (растущий разрыв в доходах, сохраняющийся высокий уровень безработицы, загрязнение окружающей среды и демографические проблемы), так что пока слишком рано говорить о вытекающем из китайского опыта “консенсусе”¹⁷. С учетом этого КНР трудно представить образцом для других государств. Да и в целом, в пропаганде опыта и достижений “социализма с китайской спецификой”, многих все-таки серьезно озадачивает именно термин “специфика”, может быть, даже уникальность предлагаемого варианта развития.

Еще один “китайский козырь” — так называемая экономическая дипломатия. Этим методом Китай пользовался и раньше. Так, в период с 1956 г. по 1977 г. Китай оказал безвозмездную помощь африканским государствам в размере более чем 2,4 млрд долл. с целью развития благоприятных отношений в развивающемся мире. Нынешняя внешняя политика строится на основе стремления способствовать налаживанию желаемых связей и сведения к минимуму трений, возникающих вследствие расширения экономических притязаний Китая в отдаленных регионах. Китай активно участвует в развитии базовой инфраструктуры, включая инвестирование в транспортные системы, больницы, школы и сельское хозяйство. Примером может служить сотрудничество с Анголой, которая превзошла Нигерию по объему нефтяных ресурсов. КНР предоставил этой стране займы под низкий процент в объеме примерно 3 млрд долл. даже при том, что

стоимость ее нефтяных контрактов составляла в 2007 г. только 1,4 млрд долл. Это позволило Анголе впервые “сбросить” помощь МВФ¹⁸.

В политическом аспекте Китай активно участвует в различных операциях ООН по поддержанию мира в африканских странах южнее Сахары — больше, чем любой из пяти постоянных членов Совета безопасности ООН.

Настойчивость китайцев в стремлении прочно обосноваться на африканском континенте не всегда встречает радушный прием, более того, нередко проявления откровенной враждебности в связи с растущим внушительным экономическим присутствием Китая в развивающихся регионах. Беспокойство местных властей вызывает тенденция китайских фирм опираться на китайскую рабочую силу, деградация окружающей среды вследствие извлечения природных ресурсов и практика торговли в ущерб местному бизнесу.

Чтобы дезавуировать представление, будто Китай ведет себя как “неоимпериалист”, в Пекине были выработаны такие средства, как улучшение мониторинга деятельности китайских фирм и защита эффективно работающего производства. Например, Китай столкнулся с враждебной реакцией в Южной Африке в результате наводнения рынка изделиями легкой промышленности, приборами и другими товарами китайского производства. В ответ Китай ввел односторонние ограничения на свой экспорт и предложил техническую помощь местным компаниям¹⁹. Хотя ученые не дали специальной оценки результатов такого рода программ, они выражают осторожный оптимизм, что благодаря экономической дипломатии “мягкая сила” Китая находится на подъеме.

Уверения в благих намерениях и ответственности

Вероятно, одной из самых болезненных тем для китайских властей является время от времени открыто проявляемое беспокойство в мире по поводу “китайской угрозы”. Опровержению данного тезиса посвящаются научные монографии, статьи журналистов и политологов, выступления руководителей КНР и другие масс-медийные акции. Между тем экономический и военный рост Китая продолжает многими восприниматься как реальная угроза. Подозрения в стремлении Пекина к “региональному гегемонизму” и ностальгии по восстановлению “имперского порядка” подрывают усилия Китая по формированию международного окружения, благоприятного для долгосрочного развития. Как только страна начинает восприниматься в качестве угрозы, считают китайские политологи, ее безопасность и возможности для развития неизбежно слабеют.

Теоретики внешней политики КНР считают, что тезис о “китайской угрозе” появился в начале 1990-х г.г. в Америке и Японии, затем распространился по всему миру. Позже эта теория несколько ушла в тень по мере возрастания вклада Китая в процветание Азии и за ее пределами. Однако после 2005 г. она снова вышла на передний план, хотя и с меньшим числом последователей. На самом деле, термин “китайская угроза”, как представляется, появился значительно раньше; его рождение, скорее, следует относить к XIX столетию.

Причину существующих опасений в Пекине объясняют непониманием Запада сути социалистической системы, за которым кроется сохраняющийся менталитет “холодной войны”. Поэтому утверждается, будто подъем Китая будет сопровождаться неизбежным насилием. (Вот почему, видимо, истоки возникновения антикитайских опасений относят к временам “холодной войны”, а не ранее).

Особенно в нагнетании недоверия к Китаю преуспели американские ученые, политологи, публицисты. Такие авторы как Николас Кристоф, Билл Гертц, Ричард Бернстайн, Росс Монро и другие в своих работах открыто утверждают, что “в обозримом будущем Китай наверняка станет самой серьезной угрозой для государственной безопасности Америки”²⁰, что “Китай сегодня как угроза для Америки занимает место Советского Союза” и т.д.

Причину усиления антикитайских настроений на Западе в КНР видят в том, что с подъемом национальной мощи Китая, ростом его международного влияния и более тесным взаимодействием с внешним миром, особенно с крупными западными державами, он попытается играть все более значимую роль в региональных и мировых делах в соответствии со своим возросшим статусом. Это способно привести к пересмотру сложившегося международного и экономического порядка, угрожая таким образом интересам западных держав.

Следуя американской логике, в силу самой социальной системы сильный Китай будет представлять угрозу для других стран. Опыт “холодной войны”, утверждают в Пекине, убедил западное сообщество, что руководимые коммунистами страны по своей природе агрессивны. Они думают, что все зависит от социальной системы. Следовательно, авторитарный режим в Китае неизбежно пойдет по пути экспансии, так как только “истинно демократические страны” способны обеспечить мир и процветание человечества.

В этой связи начавшиеся в 1978 г. реформы в Китае вызвали определенные надежды у западных идеологов. Надежду на то, что в стране возобладают рыночная экономика в сочетании с политической вестернизацией, произойдет мирный эволюционный переход к капиталистическому обществу. Однако этого не произошло, Китай продолжает идти своим путем, а значит, по-прежнему представляет собой угрозу западным странам.

Надо сказать, что сегодня теория “китайской угрозы” все чаще заменяется теорией “ответственности” Китая за мировой порядок. Об этом подробно говорили китайские политологи, ученые-обществоведы на научном симпозиуме, организованном после Олимпиады в Пекине Академией современных международных отношений. Однако это тема отдельного исследования.

Основным орудием смягчения региональных и глобальных опасений должна стать дипломатия, спокойный и доброжелательный язык убеждений и разъяснений. Ключевая фразеология, используемая для представления намерений Китая, непременно содержит такие прилагательные, как “мирный”, “гармоничный” и “ответственный”. В последнее время выражение “мирный подъем” было заменено на менее зловещий термин “мирное развитие”. Однако дипломатическая риторика — всего лишь внешняя сторона. Развитие “мягкой силы” как противовес теории “китайской угрозы” продолжается в виде ряда конкретных программ на трех уровнях.

На глобальном уровне указывается на необходимость участия в многосторонней дипломатической деятельности, что означает намерение поддерживать нынешнюю систему управления международными делами²¹. В качестве постоянного члена Совета безопасности ООН Китай всегда поддерживает усилия по достижению всеобщего мира и безопасности. Китай присоединился к Международной конвенции по биологическому оружию и к другим международным договорам, используя эти документы как форму убеждения мировой общественности в благих намерениях. Целый ряд конструктивных шагов и заслуживающих доверия обещаний Китая во Всемирной торговой организации за последние пять лет

также должен продемонстрировать мировому сообществу, что КНР привержена идее сохранения статус-кво в международной финансовой системе.

Помимо участия в международных и национальных структурах акцент делается на специальные программы, согласно которым Пекин предстает в образе “ответственной великой державы”. Например, участие Китая в миротворческих операциях ООН — один из возможных способов выступать в роли “активного участника международных отношений”. Способствует улучшению имиджа Китая и его ответственное участие в событиях в африканском регионе южнее Сахары. В дополнение к активному сотрудничеству с Организацией Объединенных Наций и Всемирным банком по соответствующим проблемам Китай призывает к более тесной координации с Соединенными Штатами в таких вопросах, как гуманитарный кризис в Дарфуре и разработка нефтяных и других природных ресурсов.

На региональном уровне большинство китайских аналитиков считают Азию главным объектом в деле подтверждения благих намерений Китая. По аналогии со стремлением к более тесному сотрудничеству со всемирными организациями исследователи указывают на необходимость усилить сотрудничество с региональными организациями, такими, как структура АСЕАН+3, Региональный форум АСЕАН и Шанхайская организация сотрудничества. Лидирующая роль страны в шестисторонних переговорах по Северной Корее также толкуется как средство для поддержания имиджа страны, заинтересованной в мирном устранении угроз международной безопасности.

Предлагаются и другие конкретные шаги в направлении развития позитивных отношений в регионе. Они включают соглашения со странами Юго-Восточной Азии по укреплению системы мирных отношений в Южно-Китайском море, разрешение давних пограничных споров с Россией, Индией, Вьетнамом и другими странами, а также учреждение к 2010 г. зоны свободной торговли Китай — АСЕАН.

Третий уровень, на котором Китай предполагает строить свою деятельность с целью убедить международное сообщество в собственных благих намерениях, находится в самом Китае. “Создание национального имиджа — это не исключительно способ поведения в мире, образ страны в международном сообществе — скорее даже продолжение политики и положения дел внутри страны”²². Дело в том, что, оценивая принятие Китаем международных правил и норм, наблюдатели учитывают не только поведение Китая за рубежом, но основываются в своих суждениях также и на характере взаимоотношений между государством и обществом внутри самого Китая. Имея в виду недавние волнения в Тибете, легко предположить, что внутренние проблемы могут нанести ущерб образу Китая как ответственной державы. Чтобы поправить положение необходимо осуществить в стране программы развития отношений социальной справедливости, включающие меры по достижению более сбалансированного и осязаемого роста уровня жизни. Это и станет “внутренней мягкой силой” как частью более масштабной задачи по развитию “гармоничного общества”, поставленной руководством страны на ближайшую перспективу.

-
1. Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в мировом порядке. М., 2005.
 2. Kroes R. American Empire and Cultural Imperialism: A View from the Receiving End. *Diplomatic History* (Summer), P. 470-471.

3. *Lundestad G.* The United States and the Western Europe Since 1945: From “Empire” by Invitation to Transatlantic Drift. Oxford, 2003. P. 155.
4. См. материалы дискуссии ученых о различных вариантах определения “мягкой силы”: *Liu Qing, Wang Litao.* Junnian guonei ruan lilian lilun yanjiu zongshu // *Guoji luntan.* 2007. No. 3.
5. *Yan Xuotong, Xu Jin.* Zhong-Mei ruan shili bijiao // *Xiandai guoji guanxi.* 2008. No. 1. P. 20.
6. *Zhang Yiping.* Ruan shili de neihan yu waiyan // *Xiandai guoji guanxi.* 2006. No. 11. P. 56—57.
7. Жэньминь жибао. 2009. 26 марта.
8. Жэньминь жибао. 2009. 1 апр.
9. Жэньминь жибао. 2009. 31 марта.
10. *Gao Ying.* China to Host Second Confucius Institute of Foreign Students. В декабре 2007 г. было 210 действующих конфуцианских институтов в 64 странах и регионах. — http://news.xinhuanet.com/english/2007-12/06/content_7212089.htm.
11. Правда. 2009. 2 апр.
12. Как ученые, так и официальные лица, например, постоянно ссылаются на “пять принципов мирного сосуществования”, которые впервые были сформулированы Чжоу Эньлаем как составная часть программы завоевания поддержки со стороны государств “третьего мира”. Впоследствии такая позиция получила название “дух Бандунга”.
13. *Chen Yugang.* Shilun quanqiuhua Beijing xia Zhongguo ruan shili de goujian // *Guoji guanqian.* 2007. № 2. P. 41—42. Автор противопоставляет эти три ценности западному акценту на демократии, свободе и равенстве, хотя полагает, что оба набора ценностей могут быть полезны в долгосрочных стратегиях развития.
14. *Ramo Jo.Cr.* The Beijing Consensus: notes on the new physics of Chinese power. L., 2004.
15. Ibid. P. 24.
16. *Men Honghua.* Zhongguo ruan shili pinggu baogao // *Guoji guanqian.* 2007. No. 2—3. P. 38.
17. *Zheng Yongnian, Zhang, Chi.* Guoji zhengzhi zhong de ruan lilian yiji dui Zhongguo ruan lilian de guanqian // *Shijie jingji yu zhengzhi.* 2007. No. 7. P. 12.
18. *Liu Yumei.* Ruan shili yu Zhong—Fei guanxi de fazhan. *Guoji wenti yanjiu.* 2007. No. 3. P. 17—18.
19. Ibid.
20. *Gertz B.* The China Threat: How the People’s Republic Targets America. Washington DC, Regnery, 2000. P. 199.
21. Эта тема достаточно подробно изложена в: *Taylor F.M., Medeiros E.S.* China’s New Diplomacy // *Foreign Affairs* 82. 2003. No. 6. P. 25—30.
22. *Men Honghua.* Zhongguo ruan shili pinggu baogao // *Guoji guanqian.* 2007. No. 2—3. P. 20.